

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мое исследование посвящено анализу исторических преданий об иноземном нашествии, распространенных на востоке Новгородской области, с точки зрения их функциональной природы, происхождения мотивов и соотнесенности рассказов рассматриваемого типа с практикой почитания местных святынь.

В течение долгого времени в фольклористике преобладала точка зрения, согласно которой исторические предания как своего рода память народа являются отражением (пусть и искаженным) реально произошедших событий. В качестве причины существования в культуре тех или иных текстов допускался некий исторический факт, но не потребность коллективного сознания в том, чтобы определенная информация циркулировала в данной традиции. Между тем смена точки зрения на природу «коллективной памяти» — попытка ответить на вопрос «зачем?» (а не «откуда?») — дает иную, функционалистскую перспективу для рассмотрения устных рассказов исторического содержания, широко бытующих в крестьянской среде и не теряющих своей «фольклорности», несмотря на распространение городской традиции через школьное образование, средства массовой информации и т.п.

Одной из основных особенностей функционирования исторических преданий является отчетливая тенденция рассказчиков к точной локализации событий, о которых идет речь. Тексты подобного типа не просто отражают представления о системе пространственных объектов, особенно отмеченных как локусы ритуального тяготения и / или суеверного избегания. Такими рассказами эта система формируется. Современное состояние ландшафта и особенности расселения в регионе зачастую осмысляются в терминах событий, произошедших в «ранние» времена. Помимо этого многие современные ритуальные практики, особенно те, которые осознаются носителями традиции в качестве специфически местных, тоже часто рассматриваются как результат каких-либо событий локальной истории. Эти наблюдения позволяют нам говорить о том, что именно потребности современной культуры в структурировании пространства,

осмыслении и легитимизации особенностей тех или иных практик определяют специфику восприятия прошлого.

Предания не только придают значения каким-либо объектам окружающего мира. В силу того, что эти значения интернализируются, нарративы определенным образом обуславливают выбор когнитивных, повествовательных и акциональных стратегий. Носителю традиции необязательно помнить точное содержание услышанного им когда-либо рассказа. Он способен сконструировать свой «нарративный ответ» на основании той системы значений, которая ему знакома.

Таким образом, коллективная память в локальной традиции не выражается в циркулировании ряда одинаковых текстов, отражающих сходные представления о прошлом. Скорее можно говорить о наборе схем концептуализации и некоторой системе элементов, которые могут попадать в конкретные построения, производимые посредством таких схем.

Если говорить о системе элементов, образующих традицию, то она представляет собой некий набор повествовательных мотивов и имен. И те и другие имеют не только «фольклорное» происхождение. На традицию оказали (и оказывают) активное воздействие школьное образование, средства массовой информации, популярная церковная литература и т.д. Например, крестьянские рассказы об ослеплении участников иноземного нашествия, по-видимому, появились вследствие адаптации (и переосмысления) фольклорной традицией агиографического сюжета, представленного в новгородском предании о чуде Знамения Божьей Матери и ряде ему подобных. Это стало возможным в силу того, что в народной культуре семантика слепоты (ослепления) прочно ассоциируется с областью значений, связанных со смертью. Адаптация этого сюжета привела к тому, что предания о наказании святотатцев-чужеземцев в народной нарративной практике были соотнесены с более общим мотивом окончания вражеского нашествия в определенном месте и стали одним из его вариантов.

Вообще говоря, мы не всегда можем не только определить происхождение того или иного представленного в преданиях мотива или имени, но и установить причины их популярности. И если мы отказываемся рассматривать предания как прямое

отражение реальных исторических фактов или как «автоматически» сохраняющийся культурой пережиток древнего мифа, то каждый из элементов легендарной традиции, будь то имя похороненного в древнем кургане царя или мотив «враги-иноземцы давят детей лавками», заслуживает отдельного этносемиотического и, возможно, историко-географического исследования.

Если попытаться кратко охарактеризовать весь круг преданий о древнем нашествии, которое в рассматриваемом варианте традиции называется *литвой*, то можно констатировать, что они являются важной составной частью устной традиции восточной Новгородчины. *Литовское разорение* предстает в них как некая катастрофа («светопереставление»), в результате которой было уничтожено древнее население края и сформировался тот мир, в котором живут современные крестьяне.

Неудивительно при этом, что образ врагов-иноземцев приобретает в народных рассказах характеристики «культурных героев», правда, с апокалиптическими коннотациями. Разрушительная деятельность *литвы* приводит к образованию древних могильников, возникновению пустошей (и переносу деревень), возникновению местных святынь (как это было в случае с почитаемыми ризами убитого священника в селе Большое Никулино) и т.п. Иногда участникам нашествия приписывается и создание топонимов¹.

Если попытаться резюмировать все рассказы о древнем нашествии, собранные в данном регионе, то получится картина, близкая к той, о которой писал один из корреспондентов Тенишевского бюро, компилируя, по-видимому, разные свидетельства: «У крестьян в ходу такое историческое предание. В старину на месте Владимирской губ. был только лес, в котором жили

¹ Я еще у него [местного дьяка] спрашивал: «А почему Миголоци называется вот эта деревня?» Он мне тоже расшифровал, что, говорит, когда литовский генерал приехал в эту деревню и попросил пообедать, ему налили вот этих... без мяса постных щей. Вот. Он попробовал, бросил чашку (невкусные были щи) и сказал, что: «Эту деревню назовите Миголоци». То есть: «Мне дали голы щи». «Ми» — это по-славянски. Вот такое дело (ААГ 98085302 Мошенской р-н, хутор Яковищенские Ключи АНА 1919 г.р.).

люди с большими головами. Потом пришли татары, людей перебили и леса порубили на города и села, а народу привели другого, который и живет с тех пор, а татары убежали дальше» [Фирсов, Киселева 1993: 175].

Существенным отличием восточно-новгородской устной традиции от только что приведенного «исторического предания» является то, что в нашем регионе бытуют нарративы об окончании *ранней войны: литва*, дойдя до какого-либо пункта, обычно имеющего высокий сакральный статус, слепнет и исчезает с исторической сцены. Однако последствия ее деяний остаются в виде деталей деревенского ландшафта, провоцируя работу традиционных когнитивных и ритуальных механизмов, направленных на их семантизацию и адаптацию в современную жизнь.

Таким образом, мы можем говорить о том, что цикл преданий о литовском разорении является своего рода этиологическим мифом. Посредством этого мифа структурируется пространство и время, в котором определяется период «перетворения» мира, получившего в результате нашествия древнего врага некоторые свои современные характеристики.